

Касимов Евгений Витальевич

ЗНАЧЕНИЕ АГИТАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРЕСТЬЯНСТВО ЧУВАШИИ В ПРАКТИКЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В статье на материалах Чувашии показывается низкая эффективность различных форм агитационно-пропагандистской работы по вовлечению крестьян в коллективные хозяйства. Основное внимание в работе автор акцентирует на роли организационно-хозяйственного укрепления колхозов и улучшения их работы в преодолении отрицательного отношения единоличников к коллективным формам хозяйствования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 71-74. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

7. **Кабардино-Балкария:** фотоальбом. Нальчик: Эльбрус, 1971.
8. **Коновалова Ж. Ф.** Миф в советской истории и культуре: дисс. ... докт. филос. наук. СПб., 2001. 329 с.
9. **Обществоведение:** учебник. М.: Политическая литература, 1975.
10. **Паперный В.** Культура два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 384 с.
11. **Попова И. М.** Повседневные идеологии // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 5-21.
12. **Резинко Д. Б.** Идеологические практики в контексте советской модернизации (социально-философский анализ): дисс. ... канд. филос. наук. М., 2002. 231 с.
13. **Топорков А. Л.** Мифы и мифология XX века: традиция и современное обращение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1/htm> (дата обращения: 12.12.2010).
14. **Эдельман О.** Легенды и мифы Советского Союза // Логос. 1999. № 5 (15). С. 52-65.
15. **Эко У.** Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. А. Г. Погоняйло и В. Г. Резника. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. 432 с.
16. **Янковская Ю. С.** Семиотические механизмы архитектуры // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 32. С. 81-88.

AUTHORITY SEMIOTIC SPHERE IN SOVIET NAL'CHIK PHYSICAL SPACE

Artem Mikhailovich Kal'nin

*Department of History and Ethnography of Kabardino-Balkaria peoples
Kabardino-Balkaria State University
dominicanes3@rambler.ru*

The author presents the brief analysis of the symbolical space of Nal'chik city center as the capital of the Kabardino-Balkaria Autonomous Soviet Socialist Republic considered through the prism of the ideological discourse of the soviet state and considers such aspects of the social-political existence of city space as the regulation of the relations of authorities and citizens by means of the city architectural standard.

Key words and phrases: authority; city; semiotic sphere; social and physical space; Nal'chik.

УДК 94(470.344)«1929/1940»

В статье на материалах Чувашии показывается низкая эффективность различных форм агитационно-пропагандистской работы по вовлечению крестьян в коллективные хозяйства. Основное внимание в работе автор акцентирует на роли организационно-хозяйственного укрепления колхозов и улучшения их работы в преодолении отрицательного отношения единоличников к коллективным формам хозяйствования.

Ключевые слова и фразы: крестьянство Чувашии; коллективизация сельского хозяйства; агитационно-пропагандистская работа; организационно-хозяйственное укрепление колхозов; машинно-тракторные станции; совхозы.

Евгений Витальевич Касимов, к.и.н.

Кафедра отечественной и региональной истории

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

kasimov-evg@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ АГИТАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРЕСТЬЯНСТВО ЧУВАШИИ В ПРАКТИКЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ©

Долгое время в отечественной историографии упор делался на показ добровольности коллективизации сельского хозяйства. Исследователи писали про неуклонное проведение в жизнь Коммунистической партией ленинского указания о подведении крестьянских масс на их собственном опыте к осознанию необходимости перехода на путь общественного ведения хозяйства. Приводились факты, какую роль в убеждении крестьян в превосходстве крупного хозяйства сыграли колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции (МТС). Освещались многочисленные формы вовлечения крестьян в коллективные хозяйства: проведение конференций единоличников, приглашение селян на колхозные отчетные собрания, помощь индивидуальным хозяйствам в проведении сельскохозяйственных работ и др. Нарушения принципов добровольности, особенно наблюдавшиеся зимой-весной 1930 г., оценивались в литературе как незначительный эпизод по сравнению с гигантской положительной работой, выполненной партией по осуществлению коллективизации. Подчеркивалось, что все ошибки и «перегибы» были быстро и своевременно исправлены, советское правительство и ЦК ВКП(б) разработали широкую программу организационной, материальной и финансовой помощи колхозам и колхозникам.

Сегодня, когда исследователи наглядно показали наличие широкого принуждения (как экономического, так и внеэкономического) в ходе проведения политики сплошной коллективизации, важно не бросаться в

крайности и не абсолютизировать роль административного и репрессивного аппарата Советского государства. Вдумчивого анализа и переосмысления прежних оценок требуют разнообразные формы агитационно-пропагандистской работы, вопросы организационного и материально-технического укрепления коллективных хозяйств, а также поиска в первой половине 1930-х годов оптимальной правовой формы колхоза. Необходимо на конкретном фактическом материале проследить, почему методы агитационного воздействия на крестьянство имели столь низкую эффективность.

Начиная с 1918 г., руководство страны уделяло большое внимание разъяснению преимуществ коллективных форм хозяйствования. Задача преодоления «перегибов» 1930 г. потребовала внедрения новых методов агитационно-пропагандистской работы и совершенствования старых. В конце 1930-1931 гг. в районах Чувашии были проведены колхозные слеты, состоялся республиканский слет ударников, колхозников и колхозниц. В деревнях появились, так называемые, «красные сваты» (специальные бригады, создававшиеся сельскими ячейками ВКП(б) для вовлечения в колхоз единоличников), инициативные группы (объединения крестьян-единоличников, пожелавших организовать колхоз; служили переходной ступенью в организации коллективных хозяйств) и вербовочные бригады (бригады колхозных активистов, занимавшиеся вовлечением единоличников в колхозы). На многочисленных выставках, в ходе отчетно-перевыборных собраний, во время проведения Дней коллективизации и урожая колхозы демонстрировали все свои маломальские успехи. О социалистическом переустройстве деревни ежедневно писали газеты, издавались многочисленные брошюры. Рабочие, сельская интеллигенция, комсомольцы, пионеры, профсоюзы – самые разные слои населения, многие учреждения и организации участвовали в вовлечении крестьян в коллективные хозяйства, заключали в рамках социалистического соревнования соответствующие договоры.

В газетах регулярно подводились итоги разных кампаний: организовано столько-то колхозов, вступило столько-то новых членов. В общих чертах газетные сообщения были примерно такого рода: «Ленинские дни, проводимые в момент отчетно-перевыборной кампании колхозов, вызвали большой энтузиазм единоличников в селениях Тувсинского сельсполкома, за короткий срок времени в Тувсинский колхоз вступили 10 хозяйств в 54 едока» [11, с. 217].

Однако эффективность агитационно-пропагандистской работы в реальности была невысока. Так, несмотря на проведение множества политическо-хозяйственных кампаний: осенний сев, уборка хлебов, заготовки всех видов сельскохозяйственной продукции, мобилизация средств населения, распределение урожая и доходов в колхозах, проведение Международного Красного дня борьбы с военной опасностью и Дня урожая и коллективизации, перевыборы делегатов, подготовка к отчетно-перевыборной кампании Советов, празднование 13-й годовщины Октябрьской революции, – уровень коллективизации в Чувашии за 3,5 месяца, начиная с 1 августа 1930 г., вырос лишь на 0,2% [3, д. 21, л. 34].

Низкая результативность агитации обуславливалась не только сильными частнособственническими интересами крестьянства и «перегибами» при попытке форсирования коллективизации зимой 1930 г., но и наблюдавшимися в коллективных хозяйствах бесхозяйственностью и низкой трудовой дисциплиной. Архивные документы за 1930-1932 гг. сообщают о многочисленных случаях гниения хлеба и картофеля, падежа скота из-за плохого ухода и бескормицы, злоупотреблений членов правления колхозов (главным образом, в виде пьянства и администрирования), хранения сельскохозяйственных машин под открытым небом и их поломок [3, д. 21, л. 31-32, д. 24, л. 34-56; 4, д. 243, л. 20-138, д. 326, л. 17-395]. Широкое распространение подобных фактов имело разные причины, но в качестве основных можно назвать отсутствие грамотных руководителей колхозов и отношение к колхозному имуществу как к государственной собственности.

Во многих коллективных хозяйствах не имелось счетоводов, и учет работы велся неудовлетворительно, что впоследствии становилось причиной споров о количестве выработанных трудодней. Трудовая дисциплина была настолько низка, что бригадирам в разгар уборочной кампании приходилось ходить по два-три раза на дом к колхозникам и выгонять (!) их на работу (колхоз «Рассвет», Ядринский район), а на решения общих собраний, обязывающих выйти на работу всех трудоспособных членов, колхозники реагировали подачей заявления о выходе из колхоза и отказом от земли (колхоз «Хлебобор», Козловский район) [4, д. 243, л. 364, 375]. В подобных условиях первоочередной задачей становилось удержание крестьян в колхозах, а не вовлечение новых членов.

Вплоть до начала 1933 г. колхозное строительство развивалось, главным образом, вширь, в сторону наибольшего охвата крестьянских хозяйств. Руководящие работники всех уровней интересовались объединением крестьян в колхозы и практически утрачивали к ним интерес, как только добивались этого. Задача организационно-хозяйственного укрепления коллективных хозяйств оказалась в практике колхозного движения 1930-1932 гг. на втором плане. Трудности коллективизации начала 1930-х годов оказали влияние на руководство страны. Оно увидело, что если не навести порядок в работе коллективных хозяйств, не положить конец многочисленным фактам бесхозяйственности, то отток крестьян из колхозов вновь может принять угрожающие размеры. Это определило организацию в деревне весной 1933 г. новых чрезвычайных органов – политотделов МТС. Решительно развернув карательно-административную, партийно-массовую и культурно-просветительную деятельность, они способствовали устранению наиболее явных недостатков в работе коллективных хозяйств и машинно-тракторных станций. Кроме того, организационно-хозяйственное укрепление колхозов было связано с увеличением финансовой помощи со стороны государства, обеспечением квалифицированными кадрами (через организацию различных курсов, переброску опытных колхозников в слабые и вновь организованные колхозы), внедрением сдельной оплаты труда и бригадной формы труда, разворачиванием колхозной торговли в рамках «неонэповских» постановлений мая 1932 г., введением

строжайшего учета имущества колхозов и их продукции (по печально знаменитому Постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»).

В результате можно со всей определенностью говорить, что улучшение организации работы коллективных хозяйств в 1933-1940 гг. было лучшим средством агитации и сыграло немалую роль в преодолении отрицательного отношения единоличников к колхозам.

Большое значение для проведения агитационно-пропагандистской работы имело установление льгот и преимуществ для коллективных хозяйств и колхозников. Данная политика получила широкое распространение после XV съезда ВКП(б), состоявшегося в декабре 1927 г. В течение следующих двух лет, с целью привлечения единоличников в объединения, для коллективных хозяйств были установлены льготные налогообложение и кредитование; колхозы наделялись лучшими по качеству землями, более удобно расположенными относительно селения, водных ресурсов, дорог; общественный сектор преимущественно перед единоличными хозяйствами и на льготных условиях обеспечивался сельскохозяйственными машинами и орудиями, племенным скотом и минеральными удобрениями, дефицитными промышленными товарами и лесом и т.д. [6, с. 50-56]. Стимулируя коллективизацию, руководство страны установило в 1930 г. новые льготы и преимущества: освобождение от обложения сельхозналогом на два года всей находившейся в пользовании колхоза и колхозников живности (коров, овец, свиней, птицы), за исключением необобществленного рабочего скота; установление для колхозников пониженных ставок страховых платежей; снижение на 25% для членов сельскохозяйственной артели паевого взноса в потребительскую кооперацию; наиболее полное и первоочередное снабжение промышленными товарами; снятие задолженности по конфискованному кулацкому имуществу, переданному колхозам [4, д. 54, ч. 1, л. 8; 7, с. 290-296; 9; 10].

Советское правительство также перераспределяло в пользу колхозного сектора большую часть выделяемых на сельское хозяйство кредитов. В 1929-1930 гг., при 12,15% коллективизации в Чувашии, удельный вес колхозов в кредитовании составил 67,6%, в особом квартале (октябрь-декабрь 1930 г.) – 85,3% [4, д. 158, л. 67, 109]. В 1931 г. коллективные хозяйства получили 87,9% выделенных кредитов, хотя к началу 1932 г. объединяли лишь 43,3% крестьянских хозяйств. Кредиты колхозам выдавались на льготных условиях по сравнению с единоличниками: на более длительный срок и под меньший процент. Кредитование индивидуальных хозяйств в 1931 г. осуществлялось в незначительном объеме и только через районные кооперативные союзы, а со второго полугодия оно прекратилось вовсе. О размерах «кредитного ливня» свидетельствует, например, тот факт, что за коммуной «Красный батрак» Алатырского района на 1 октября 1931 г. числилась задолженность в 54 924 руб. по более чем 20 видам ссуд [Там же, д. 54, ч. 1, л. 57-60]. Поскольку за колхозами быстро накапливалась задолженность, в практику вошло издание нормативно-правовых актов о снятии недоимок и списании задолженностей с колхозов. Так, только в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 27 марта 1935 г. «Об упорядочении финансов и учета в колхозах» с коллективных хозяйств Чувашии было списано около 943 тыс. руб. [2, д. 7, л. 55, 104]. Увеличение в 1930-е годы объемов кредитования колхозов имело немалое значение для укрепления их финансового состояния.

Тем не менее, несмотря на последовательное расширение льгот и преимуществ для коллективных хозяйств, реальное значение данной меры для вовлечения крестьян в колхозы не следует преувеличивать. Гораздо большее значение имела другая сторона неравноправных условий хозяйствования в аграрной сфере, а именно: создание невыносимых условий для единоличного сектора.

Еще одним средством, способствовавшим агитации среди единоличников, должны были стать машинно-тракторные станции. Ранней весной 1931 г. в Чувашии были организованы три МТС: Вурнарская, Канашская и Алатырская, чуть позже – Урмарская. Они рассматривались партийным руководством как центры сплошной коллективизации [11, с. 211], как колоссальной силы фактор коллективизации [5, д. 332, л. 67], который должен был «создать усиленный прилив в колхозы, доведя процент коллективизации в своих районах до 45-50%», тогда как по другим районам уровень коллективизации к концу 1931 г. намечался в 30% [Там же, л. 59]. Говоря о значении новой техники для стимулирования колхозного строительства, газеты приводили примеры, когда единоличники, восхищенные работой тракторов на полях, тут же вступали в колхозы [11, с. 231].

Однако анализ динамики колхозного движения за 1931 г. показывает, что МТС в действительности не вызвали ожидаемого «прилива» новых членов в колхозы. Процент коллективизированных крестьянских хозяйств рос в Канашском и Алатырском районах не быстрее, чем в остальных районах республики, и по уровню коллективизации на 1 января 1932 г. названные районы находились на 13-м (38,8%) и 15-м (34,4%) местах соответственно (из 18 районов) [1, д. 1257, л. 30]. Естественно, в данном случае можно сослаться на трудности организационного периода: отсутствие четкости в работе МТС, недостаточная подготовка трактористов, нехватка прицепных орудий и запасных частей к тракторам, плохие условия работы трактористов. Но только ими нельзя объяснить следующий любопытный факт. К 1935 г. в Чувашии было 9 МТС. Парадоксально, но во всех девяти районах с машинно-тракторными станциями наблюдался по состоянию на 1 января 1935 г. низкий уровень коллективизации. Показатели чуть выше среднего по Чувашии (61,2% крестьянских хозяйств) имели всего два района – Цивильский (63,6%, или девятое место среди 25 районов) и Вурнарский (62,7%, или десятое место) [11, с. 381]. Таким образом, как не выглядит логичным провозглашавшийся в те годы тезис, что «трактор увеличивает тягу единоличников в колхозы» [Там же, с. 238], реально деятельность МТС в Чувашии слабо способствовала вовлечению крестьян

в колхозы. Тем более что услуги МТС обходились колхозам чрезмерно дорого и колхозники, не желая отдавать за них до 25% урожая, старались многие сельскохозяйственные работы проводить вручную.

Аналогичная оценка должна быть сделана и по советским хозяйствам, которые якобы «были для трудящегося крестьянства наглядным доказательством выгод и преимуществ крупного социалистического хозяйства» [8, с. 521]. Это утверждение, на самом деле, выдавало желаемое за действительное. Так, к осени 1934 г. на территории Чувашии было всего шесть совхозов. Понятно, что в лучшем случае они могли влиять лишь на близлежащие населенные пункты. Но фактически совхозы служили наглядным средством контрагитации: как отмечал в то время обком ВКП(б), «совхозы Чувашии... еще не укрепились и не поставили работу надлежащим образом. Они еще не являются образцами показа лучшего ведения сельского хозяйства. Нет примеров хорошей постановки хозяйства в них. Если взять Вурнарский свиноводческий совхоз, то он уборку урожая текущего года провел исключительно плохо, уборку яровых закончил позже всех и со значительными потерями» [11, с. 307].

Подводя итоги, следует отметить, что среди причин низкой эффективности агитационно-пропагандистской работы важную роль играли не только причины психологического плана: частнособственнические интересы; традиционные для крестьянства консерватизм, недоверие к любого рода реформам, усиливавшиеся низким уровнем культуры и образования, отсутствием уверенности в устойчивости изданных новой властью законов о землепользовании (и в 1920-е годы, и в последующее десятилетие в деревне циркулировали устойчивые слухи о скором начале войны, в результате которой коммунисты потеряют власть); общее недоверие к советской власти из-за перехода в конце 1920-х годов к «военно-коммунистическим» методам хлебозаготовок. Огромное значение имело то обстоятельство, что подавляющее большинство коллективных объединений, возникших в 1918-1929 гг., не могли служить для крестьян образцом ведения эффективного сельскохозяйственного производства. Попытка форсированного насаждения колхозов в начале 1930 г. усугубила данную проблему и колхозы стали образцом бесхозяйственности. Поэтому с октября 1931 г. в Чувашии повсеместно начались массовые выходы из колхозов, которые продолжились и в 1932 г. Для сталинского руководства главной причиной отливов всегда оставалось кулацкое сопротивление, и уже упомянутый закон от 7 августа 1932 г. предусмотрел заключение в концлагеря за принуждение колхозников к выходу из колхозов [12, с. 454]. Однако простое внеэкономическое принуждение, даже в сочетании с экономическими мерами воздействия, не смогло бы обеспечить задачу быстрого и относительно бесконфликтного вовлечения основной массы крестьянства в коллективные хозяйства. В этой связи из всех форм агитационно-пропагандистской работы лучшим средством агитации оказалось улучшение на практике хозяйственной деятельности колхозов.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-197. Оп. 1.
2. ГИА ЧР. Оп. 13.
3. ГИА ЧР. Оп. 27.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-199. Оп. 1.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-210. Оп. 1.
6. Касимов Е. В. Государственная политика развития производственной кооперации в сельском хозяйстве Чувашии в 1918-1929 гг. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. Вып. 4. С. 16-70.
7. Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927-1935 / отв. ред. П. Н. Шарова. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 575 с.
8. Политический словарь / под ред. Г. Александрова и др. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1940. 672 с.
9. Сборник узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства ЧАССР (СУ ЧАССР). 1930. № 25. Ст. 103.
10. Там же. № 28. Ст. 122.
11. Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР. 1920-1937 гг. (осуществление коллективизации): сб. документов / отв. ред. А. М. Шорников. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 432 с.
12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: документы и материалы: в 5-ти т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3. Конец 1930-1933. 1008 с.

THE IMPORTANCE OF THE AGITATION METHODS OF INFLUENCE ON CHUVASH PEASANTRY IN THE PRACTICE OF CONTINUOUS COLLECTIVIZATION REALIZATION

Evgenii Vital'evich Kasimov, Ph. D. in History
 Department of Native and Regional History
 Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev
 kasimov-evg@yandex.ru

The author shows the low efficiency of the various forms of the agitation-propaganda work on involving peasants into collective farms by the materials of Chuvashia and pays special attention to the role of the organizational-economic strengthening of collective farms and the improvement of their work on overcoming individualists' negative attitude to the collective forms of economic management.

Key words and phrases: Chuvashia peasantry; agriculture collectivization; agitation-propaganda work; organizational-economic strengthening of collective farms; machine-tractor stations; state farms.